

**Жанровое своеобразие романа Е. С. Чижовой
«Город, написанный по памяти»**

Статья посвящена анализу жанровой характеристики автобиографического романа современной русской писательницы Елены Семёновны Чижовой, а также описанию художественного своеобразия произведения.

Ключевые слова: современная литература, автобиография, литературный жанр, Елена Чижова, ленинградская проза.

Natalia Kolondaeva

**Genre Originality of the Novel by E. S. Chizhova
"City Written from Memory"**

The article is devoted to the analysis of the genre characteristics of the autobiographical novel of the modern Russian writer Elena Chizhova, as well as to the description of the artistic originality of the work.

Key words: modern literature, autobiography, literary genre, Elena Chizhova, Leningrad prose.

«Документальная литература» отличается наличием ретроспективных элементов, уравнением автора и рассказчика/повествователя, наличием одного сознания, рассказывающего и анализирующего себя и свою жизнь [4, с. 54]. Соблюдая негласную договорённость с читателем о том, что всё излагаемое – правда, автор, однако, оставляет за собой право умолчать о некоторых подробностях и деталях, которые либо незначительны для общего нарратива, либо должны оставаться интимными и неразглашенными [2, с. 24–29].

На обороте издания сказано: «Город, написанный по памяти» – роман-расследование, где Петербург становится городом памяти – личной, семейной исторической...». Это, безусловно, не противоречит содержанию книги. Но, по моему предположению, эта книга, скорее, является попыткой осознания семейной истории в контексте событий советского времени. Рассказ о себе вы-

растает в определённую модель мира. И для того, чтобы собрать цельное полотно, нужно разобраться в «лоскутках», собрать их на бумаге, восстановить, обдумать и выстроить в правильном порядке, чтобы открылась истина. Думаю, что этот роман написан в первую очередь не для читателя: это роман писателя для самого себя, для того чтобы изложить на письме то, что долго копилось в глубинах семейной памяти.

Для автобиографического жанра доминантным художественным методом является рефлексия. Вот и роман начинается с эпиграфа: «Я начинаю задолго до себя, поскольку никто не смеет описывать свою жизнь, если он не обладает достаточным терпением, чтобы перед тем, как наметить вехи собственного бытия, не упомянуть, на худой конец, хоть половину своих дедов и бабок». Цитата из «Жестяного барабана» Гюнтера Грасса задаёт общий тон нарратива; становятся понятны истоки создания произведения Чижовой: чтобы осмыслить себя и своё место в мире, необходимо осознать прошлое своей семьи.

Лейтмотивом произведения становится тема памяти: личной, семейной, исторической. Для жанра автобиографии это вполне логично и объяснимо: автор не отступает от общепринятого канона. В самом начале романа Чижова отмечает причины, побудившие на создание рукописи: «С этих пор – со страстью, с какой средневековые скупцы копили свои динарии, гроши и талеры, – я собирала слитки памяти, стараясь запомнить всё, что видела и слышала. То, что в отличие от звонких монет, они не имеют свободного хождения, меня несколько не смущало. Я и не собиралась пускать их в оборот. Мне хватало и моих сундуков, чтобы, время от времени запуская в них пальцы, убеждаться: они, мои слитки, здесь» [8, с. 8]. Метафорическое сравнение «память – слитки» объясняет ценность этой самой памяти, если не сказать метафизическую драгоценность, не сравнимую ни с какими материальными богатствами.

По сути своей, любая автобиография – это воспоминания, так или иначе приукрашенные или изуродованные временем. Чтобы добиться объективности, автор предпринимает попытки сухого изложения фактов: родился, переехал, работал, женился, умер: «До болезни мама работала кассиршей в угловой булочной на Театральной площади... мама поступила в вечернюю школу... в семье было шестеро детей...» [8, с. 39]. Но каждый раз (что понятно и объяснимо человеческой натурой, а тем более натурой писателя) такая фактология перебивается аналитическими размышлениями, воспоминаниями, сравнениями: «В тот день мы шли к Никольскому собору. Помню, бабушка остановилась. “Пожить бы ещё лет двадцать...” На что я – нет бы за умную сойти – ляпнула: “Зачем? Ты и так старенькая”. Теперь-то я уверена: бабушка разгова-

ривала не со мной, но поняла меня правильно: “Поглядеть, чем дело закончится. У большевиков”. И, не дожидаясь встречного вопроса (который вертелся у меня на языке – в то время я и понятия не имела, кто такие эти большевики), ответила: “Разворуют и сгинут”» [8, с. 66].

Композиция романа-автобиографии не линейна, что объясняется его содержанием: в нарративе перманентно «всплывают» воспоминания и уточнения, которые автор заботливо оформляет в сносках, чтобы любой читатель мог понять, о чем идёт речь. Такая форма изложения подчёркивает, что далеко не все события семейной истории вошли в основной текст рукописи.

Интересно то, что жанр автобиографии предполагает анализ собственных поступков, мыслей и чувств, изложение их в определённом порядке, когда второе вытекает из первого, третье из второго и так далее. Но в случае с романом «Город, написанный по памяти» дела обстоят иначе: здесь автор не пытается воссоздать хронологический порядок произошедшего. Чижова недвусмысленно показывает своё отношение к истории, политике, религии, искусству через события, происходившие в семье и её ближайшем окружении: «...здесь, в этих комнатах, страдали, угодив в советские жернова. Волны их незаслуженных, ни на чем кроме властного безумия не основанных страданий накрывают меня с головой. Всякий раз, выбираясь на берег, с которого советская власть видится болотом, исходящим гнилыми пузырями, я чувствую глухой стыд: за то, что родилась в другое время. За то, что ничем не могу им помочь» [8, с. 241]. Явно чувствующаяся в полотне текста озлобленность – это публицистическая писательская позиция, которую автор не маскирует, говорит напрямую.

Ещё одной важной особенностью исследуемого романа является то, что в основе сюжетной канвы лежат не только воспоминания автора, но и воспоминания другого человека – матери, рассказ которой записывается на диктофон. Этот поток сознания, прыгающий во времени и пространстве, нужно было зафиксировать, чтобы затем, переслушивая его, можно было по крупицам собрать семейный альбом памяти, в котором многие подробности утрачены: «Прошёл год. Мы снова на даче. Мама ведёт рассказ, я записываю на диктофон: кто-кем-кому приходится – слушаю, не запоминая подробностей. Потом, если понадобится, можно включить и послушать» [8, с. 305].

Одной из отличительных черт современной (постмодернистской) автобиографии, безусловно, можно назвать интермедialность. В романе Елены Чижовой повествование о том или ином событии или родственнике часто подкрепляется фотографией из личного семейного архива: «Сохранились две фотокарточки, предвоенные, 1941 года. На первой – мама с подружками: Ата, Вера (моя мама), Ева, Зоя, Ляля – все девочки кроме мамы умерли в блокаду»

[8, с. 89]. Многослойность структуре анализируемого текста придают не только объёмные сноски, о которых говорилось выше, но и фотографии документа – «похоронки» бабушки, которая вносит публицистическую струю в художественную ткань романа.

С первых страниц романа можно понять, что рассказываемая личная история всегда переплетена в повествовании с историей города, страны. Практически все воспоминания связаны с тем или иным топосом: «На вопрос, где я родилась, я отвечаю: на Театральной площади. Что, строго говоря, не так. На самом деле – на улице Маяковского в знаменитой Снегиревке...» [8, с. 13]. «Они (окна) выходят на Английский проспект. В здешней местности у меня свои ориентиры: слева – на углу Офицерской набережной и набережной Пряжки – дом, где в квартире на четвёртом этаже все последние годы жил Александр Блок...» [8, с. 55]. «9 мая мама запомнила хорошо. “Накануне, за день – два, по городу пошли разговоры: подписали, подписали, конец войне”. Победный салют они смотрели с Международного проспекта. “Все плакали, обнимались”» [8, с. 151].

Отсюда вытекает следующее: «Город, написанный по памяти» – уникальная художественная автобиография, в центре повествования которой находится именно город – Ленинград, он же – главный герой (с его упоминания начинается роман), и только канву повествования создают жившие в этом городе люди и их истории. Д. М. Соболев называет это явление «романом места», уточняя, что подобный тип нарратива характерен в большей степени для литературы постмодернизма [5, с. 136].

Еще одна примечательная особенность рассматриваемого текста состоит в отсутствии концентрации внимания исключительно на своей истории жизни и жизни предков. Частная жизнь у Чижовой показана через историю. Автор часто прибегает к упоминанию реальных общественно значимых событий, законов советского времени: многие из них оказали большое влияние на личную и семейную судьбу: «Кстати, основным мотивом поставленного ребром вопроса ... были 50 (пятьдесят) рублей. Именно эту сумму по тогдашнему закону вносила в государственный бюджет сторона, виновная в разводе» [8, с. 17]. «Но вернёмся к “большой истории”. К концу 19 века система российского капитализма в общих чертах уже сформировалась. Ключевые отрасли хозяйства (как то: тяжёлая промышленность, банковское дело, строительство и развитие железнодорожного транспорта) государство держало в своих руках – то погоня, то натягивая вожжи. Однако в мелкопроизводственную сферу не вмешивалось. Кустари-ремесленники, имевшие амбиции, могли воспользоваться дарованной свободой. Что, собственно, и сделал Сергей Тимофеевич, бабушкин старший брат» [8, с. 45].

Очевидно, что такой подход – анализ личной истории через историю страны, её нормы и уставы – даёт больше возможностей для глубокого раскрытия замысла, равно как и для большего понимания произошедшего самим автором и читателем. Большое внимание в этом смысле уделено, пожалуй, самому страшному периоду советской истории – блокаде Ленинграда, которая, конечно, не обошла ни одну семью, жившую в этом городе. «Война – рубеж. В маминых рассказах все строится на этом разделении: “перед войной” и после» [8, с. 70]. «Из девяти детей умерло шестеро. Пропорция до ужаса точна: в 1941-м население Ленинграда 3 миллиона. В 1945-м – 1 миллион» [8, с. 89]. «И потом... Это ты сейчас знаешь, что будет дальше. А для нас, для меня почти ничего не изменилось. И вообще было очень интересно. Все говорят: война, война, а ничего не происходит» [8, с. 109]. Так мама рассказывает о первых днях войны, когда люди еще не могли осмыслить происходящее. Понимание придёт позже: «Мой дед, Василий Семёнович Рябинин, погиб в бою под Ленинградом 27 января 1944 года. В самый день снятия блокады. На эту дату, которая значится в его похоронке, приходится и первый за всю военную историю ленинградский салют» [8, с. 115]. К слову, как было сказано раньше, в книге есть фотография той самой похоронки – «живое» свидетельство страшных событий с текстом, который трудно осмыслить нам, людям 21 века: «...был убит в бою за Социалистическую родину...».

Таким образом, читая и изучая роман «Город, написанный по памяти», мы имеем дело с особой формой жанра автобиографии – автобиографией «городской» и «семейной», где все мысли, воспоминания и события прошлого неразрывно связаны с родным городом Елены Чижовой – с Ленинградом, который в глубокой исторической памяти никогда не будет переименован обратно в Санкт-Петербург. В центре внимания рассмотренного текста лежат воспоминания о личных переживаниях, не оторванных от семьи, быта, времени. Здесь каждая деталь, каждый поход в школу, церковь или на прогулку связаны с городом и временем – непростым двадцатым веком, который наложил свой отпечаток на всех живших тогда людей, а особенно – на ленинградцев, сумевших пережить блокаду и выжить в послевоенное время.

Список литературы

1. Гастон Б. Избранное: Поэтика пространства. М.: РОССПЭН, 2004. 373 с.
2. Волошина С. В. Коммуникативная стратегия умолчания в автобиографическом дискурсе // Текст. Книга. Книгоиздание. 2019. № 19. С. 23–36.
3. Караева Л. Б. Автобиография как автоанализ // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 37. С. 72–77.
4. Сапожникова Ю. Л. Жанр автобиографии: понятие и особенности // Ученые записки ЗабГГПУ. 2012. № 43. С. 54–56.

5. Соболев Д. М. Топофилия: культурная география как жанр современной художественной прозы // Международный журнал исследований культуры. 2011. № 4. С. 136–155.
6. Сухих И. Н. Русский канон: книги XX века. М., 2019. 389 с.
7. Хализев В. Е. Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины / под ред. Л. В. Чернец. М., 1999. 684 с.
8. Чижова Е. С. Город, написанный по памяти. М.: АСТ, 2019. 315 с.
9. Шмидт В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 632 с.
10. Штанцель Ф. К. Теория повествования. М.: Петерсен, 1981. 432 с.

References

1. Gaston B. *Izbrannoe: Poetika prostranstva* [Favorites: Poetics of Space]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004. 373 p. (In Russian).
2. Voloshina S. V. *Kommunikativnaya strategiya umolchaniya v avtobiograficheskom diskurse* [Communication strategy of silence in autobiographical discourse] *Tekst. Kniga. Knigoizdanie* [Text. Book. Book publishing] 2019. № 19. Pp. 23–36 (In Russian).
3. Karaeva L. B. *Avtobiografiya kak avtoanaliz* [Autobiography as an autoanalysis] *Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University] 2008. № 37. Pp. 72–77 (In Russian).
4. Sapozhnikova YU. L. *Zhanr avtobiografii: ponyatie i osobennosti* [Autobiography genre: concept and features] *Uchenye zapiski ZabGGPU* [Scientific notes of ZabGSPU]. 2012. № 43. Pp. 54–56 (In Russian).
5. Sobolev D. M. *Topofiliya: kul'turnaya geografiya kak zhanr sovremennoj hudozhestvennoj prozy* [Topophilia: Cultural Geography as a Genre of Contemporary Fiction] *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovaniy kul'tury* [International Journal of Cultural Research] 2011. № 4. Pp. 136–155 (In Russian).
6. Suhih I. N. *Russkij kanon: knigi XX veka* [Russian Canon: Books of the XX century]. Moscow, 2019. 389 p. (In Russian).
7. Halizev V. E. *Vvedenie v literaturovedenie. Literaturnoe proizvedenie: osnovnye ponyatiya i terminy / pod red. L. V. Chernec* [Introduction to Literary Studies. Literary work: basic concepts and terms / ed. L. V. Chernetz]. Moscow, 1999. 684 p. (In Russian).
8. Chizhova E. S. *Gorod, napisannyj po pamyati* [City written from memory]. Moscow: AST, 2019. 315 p. (In Russian).
9. Shmidt V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow: YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2003. 632 p. (In Russian).
10. Shancel' F. K. *Teoriya povestvovaniya* [Narrative theory]. Moscow: Petersen Publ., 1981. 432 p. (In Russian).